

Игорь Кожухов

За чертой

Дед спал в дальней, закрытой занавеской от кухни, комнате, и когда услышал стук в сенях, бабка, накинувшая на плечи платок, уже поднялась: «Опять какая-то животина влезла в ларь, Господи, прости! Пойду, свет включу, а то всё поизгадит...». Хорошо видная в темноте дома в белой до пят ночнушке, она прошла к входной двери и щёлкнула выключателем. В сенях что-то громко стукнуло. Нисколько не остерегаясь, бабка, запахнув плотнее платок, вышла в сени. Наблюдавший из комнаты полусонный дед расслышал несколько её негромких слов и окончательно проснулся, услыша чужое грубое, а через секунду — глухой звук от удара и болезненный вскрик. Он, спрыгнув с койки, как был, в кальсонах и босоногий, выскочил в дверь.

Бабка лежала в проходе перед открытыми во двор дверями лицом вниз, из-под головы растекалась кровь, правой рукой судорожно скребла деревянный пол. Ещё ничего не осознавая, дед схватил её за плечи, перевернул и вскрикнул от ужаса: лицо посредине лба было разрублено до серо-красной массы, левый глаз закрыт, правый, наоборот — вытарашен. По лицу волнами шли судороги. Через долю секунды из безвольно уже открывшегося рта выпал хрип: «Са-а-ало...», — глаз подёрнулся плёнкой, и тело, задрожав, вытянулось...

Дед, зарывав медведем, выскочил на улицу и хрипло заорал: «Кто-о-о?». Затем подбежал к сараю, где билась в дверь, закрытая там с маленьким щенком его собака, открыл засов. Волчиха, зло рыкнув на него, перескочила забор и без лая, намётом понеслась в сторону тёмной стены леса.

Дед, крутнувшись, по-прежнему плохо соображая, побежал к бабке и снова, подняв уже в чёрной крови её голову, заорал нечленораздельно, по-звериному.

Вдалеке у леса раздался остервенелый, с хрипом, лай собаки, человеческий крик, а следом — собачий взвизг. В голове старика зашумело, в горле образовался сладкий ком, и он, пытаясь его сглотнуть, тоже завалился на залитый кровью пол.

Придя в себя, отполз от кровавой лужи и, еле сдерживаясь, с трудом свесил голову через порог. Рвало сильно, с болью в груди и скулах, он едва успевал механически утирать льющиеся слёзы.

Стало немного легче. Не оборачиваясь, старик поднялся и прошлёпал через небольшой дворик в баню, где долго умывался из кадки, часто хлебая из ладоней воду и полоща рот. Потом снял в предбаннике с гвоздя серый «пчелиный» халат, надел его поверх «сонного» белья и, обувшись в обрезанные до калош сапоги и взяв тусклый фонарик, побежал...

* * *

Дом участкового находился в центре деревни. Около забора стоял милицейский «УАЗ» с двумя закрашенными зелёной краской буквами и написанными поверх новыми, превратившими «МИЛИЦИЮ» в «ПОЛИЦИЮ».

Дед хорошо знал Андрея — участкового, постоянно покупающего у него мёд, улыбчивого, белобрысого, невысокого тридцатилетнего парня, его жену — деревенскую девку да двоих ребятишек — пацанов-погодков. Он решительно затарабанил в кухонное окно, пока не загорелся свет.

Андрей легко выскользнул на крыльцо в накинутом на голые плечи кителе:

— Что, дед Ваня?

— Беда, парень, — старик, вдруг сморщившись, слёзно запричитал, — ой, беда! Бабку убили...

— Как, где?!

— Да там, дома лежит, в сенцах, — дед, плача, осел на крыльцо.

Андрей завёл «УАЗ», подбежал к деду:

— Садись в машину, бегом. Я штаны одену и... слушай, может, ты ошибся, может, живая ещё?

Дед, поднявшись, мотал головой. Только сейчас он вдруг ощутил тяжесть беды и боль. «Вот, вдруг — раз, и по чьей-то воле прекратилась жизнь человека — жизнь! — которую дал человеку Бог...»

Андрей уже выскочил из дома и втолкал сгорбленного деда в машину...

Нет, всё так и есть. На фоне тёмного двора распахнутые сенцы сияли светом.

Андрей подошёл первый и инстинктивно отвернулся, увидя уже почти остывшее тело. Дед, упав на колени, разрыдался в голос, участковый тоже вдруг заплакал, не в силах сдержать боли.

— За что это, за что?! И кто, кто так смог?! — он обращался и к деду, и к себе, и в ночь.

Дед слышал вопрос и, всхлипывая, пытался ответить: «Не знаю».

Андрей встряхнулся:

— Ну, не приведи, Господь, поймать его мне, я ему... — он не договорил и, уже обращаясь к деду, энергично распорядился: — Будь здесь и ничего не трогай. Я постараюсь быстрее.

* * *

Опера приехали в начале шестого. Дед Иван, уже опрятно одетый, сидел на чисто вымытом крыльце. Прохладное, конца мая утро своей чистотой и яркостью никак не «вписывалось» в произошедшее здесь.

Андрей подошёл и тихо спросил:

— Надеюсь, там ты не мыл? — и повёл головой в сторону сеней.

— Мыл.

— А зачем? Там же следы могли быть.

— Ничего там не было. Я сорок лет служил егерем, в следах разбираюсь. Ничего! И топор он мой взял, с короткой ручкой. Я его в лес иногда брал: за ремень заткну и... Ручка удобная, по руке, лезвие хорошее, старое. Очень острый... Он на полке вверху лежал. Больше ничто не пропало, да там ничего и не было, почитай...

Андрей и оперативники зашли в сени. Бабка лежала на широкой низкой лавке, с плотно, до переносицы, забинтованной головой, с умытыми лицом и шеей.

Ночнушка, измазанная кровью, брошена в углу. На бабке — тёмное, до пят, платье, сухие руки на груди.

— В дом сил не хватило занести, — перехватив взгляд опера, оправдался дед, — передел, а поднять, чтобы не волочить, не смог — но оно и нормально. Здесь ещё прохладно, — он легонько поправлял складки платья, — сейчас народ придёт, перенесём в дом...

Народ, действительно, уже собрался у ворот, вполголоса обсуждая происшедшее.

Осмотрев сени и сарай, где мог лазить преступник, оперативники уехали в сторону леса, куда побежала собака...

А в доме начались долгое оплакивание покойницы, грустный пересказ её прожитой жизни и дел её достопамятных...

* * *

... Собака догнала его уже у леса. По клочьям одежды — наверняка солдатской формы — было очевидно, что она напала и рвала его. Вырванных, окровавленных кусков было много — борьба была упорной.

— Она ему левую руку всю изуродовала: вот обрывки рукава, и периметр борьбы большой. Он, видать, сильно не мог её ударить сразу: собака его таскала. Но и сбить не смогла, значит, он не маленький. Последним ударом, страшным, уже добивал: почти пополам её разрубил, — вполголоса рассуждал старший из оперативников.

— А ушёл он сразу в лес: по открытому месту страшно стало идти, — это уже добавил Андрей, — только куда он зайдёт? Ведь за лесом через три километра болота начинаются до границы с соседним районом, считай, сорок километров...

Оперативники прямо из машины запросили информацию о возможно сбежавших с мест несения службы солдатах. И, действительно, неделю назад с полигона, находящегося в ста километрах, исчез срочник Станислав Хомутов...

— Высылайте солдат, полицию, надо прочесать лес, пока он далеко не ушёл...

— опер отключил рацию и пошёл помогать парням закопать собаку, над которой уже роем кружили мухи.

* * *

Через месяц после похорон Дед Иван шёл на пасеку. У него, конечно же, был с удобным кузовом и надёжным мотором верный мотороллер «Муравей», на котором он обычно ездил туда, делая по лесной дороге крюк в пятнадцать километров. Но по прямой, через лес, до пасеки было полтора-два часа ходу неторопливым шагом. Похоронив бабуку, он вознамерился продать пчёл и уже нашёл покупателя, но, приехав с ним на пасеку, не смог! Не смог стать «предателем». Он так разволновался, что покупатель, поняв всё, без обиды уехал. Только пчёлы и постоянная забота о них вывели его из потрясения, в каком он находился первое время. Всё своё хозяйство, что было в деревне, он отдал своей младшей сестре, жившей неподалёку. Сам же на всё лето перебрался сюда и лишь изредка навещая покинутую усадьбу. Здесь же у него были небольшой аккуратный летне-осенний домик, омшаник для зимовки пчёл, тесовый сарай с высокой крышей и маленькая баня. И, конечно же, главное — двенадцать полных, сильных пчелиных семей, дающих ему и успокоение, и работу, и доход. Вчера он ходил в деревню, относил гостинец родным

ым

ой рюкзак купленные в магазине чай, банку тушёнки, две булки хлеба, рано утром возвращался обратно. Вокруг него полкал уже рослый, но совсем ещё молодой, щенок убитой собаки...

* * *

... Солдата не нашли. Когда пришла подмога, люди полосой, не теряя друг друга из виду, двинулись по тайге до болота. Через день вышли на поляну у воды с холодным костровищем и раскиданными вокруг окровавленными тряпками. Над костровищем в сосну был воткнут острый, с рыжими пятнами крови, топор с короткой удобной ручкой. Следы вели в болото. Местные мужики побродили по болоту с опаской, так как в этой стороне мест не знали. Следов больше не было, и все решили, что солдат утонул. Для очистки совести около болота ещё с неделю постоянно отделение солдат, кормя комаров и осторожно паля костры. Потом их вывели, и растревоженный людьми лес опять затих...

Пёс ткнул холодным носом деда в руку и тот, пребывавший в раздумьях, очнулся:

— Давай, Верный, давай вперёд! Конечно же, пойдём, милый!

... Они вышли к его пасеке. Когда старик работал егерем, это была огороженная огромным забором база. Уйдя на пенсию, он упросил начальство, и ему разрешили выкупить это хозяйство. Он подрезал пониже заборы и завёл дюжину пчелиных семей, которым хватало здесь цветочного разнотравья. В общем, место было и с охотой, и с мёдом...

Недалеко от усадьбы Верный исчез. Громкий, раздражённый лай его раздавался со стороны пасеки, потом пёс вдруг появился и, виновато поскуливая, пошёл рядом с дедом, поглядывая на него и не помахивая хвостом.

— Что, Верный? Кто тебя напугал? Не бойся, я с тобой, — и дед, ускоряя шаг, по хорошо видной широкой тропе вышел к забору. Пройдя вдоль, подошёл к обозначенным толстыми столбами воротам. Нагнув голову, шагнул в ограду. Верный, скуля, остался за забором. Дед внимательно осматривал всё, пытаясь понять, что напугало пса. Подняв глаза к высокому крыльцу, он увидел, что дверь в дом открыта. В груди тревожно кольнуло: «Может, сам забыл?» — но, нет, он помнил, как вставил железный шкворень в засов. «Господи, да ну зашёл кто. Что из-за этого — убежать?» — дед медленно направился к дому. Подойдя к крыльцу, увидел на крашенных плахах чёткие следы явно солдатских ботинок. Секунду посомневавшись, поднялся и, резко открыв дверь, вошёл. Сильная вонь от грязного, прокисшего тела вместе с запахом алкоголя ударила даже не в нос, а в лицо.

— Здорово, отец, а я жду, жду. Думал, надолго ушёл, вот без спроса в шкафы залез, перекусил немного и водку допил твою, — незнакомец вдруг вздохнул глубоко и болезненно...

Приглядевшись со света, дед увидел через стол заросшего щетиной мужчину в рваной солдатской форме, упершегося в ножки стола высокими солдатскими башмаками. Он полулежал на железной кровати и правой рукой держал на уровне груди ружьё: его же, деда, ружьё, спрятанное вчера в погребе. Левая рука, замотанная грязным тряпьем, как показалось деду, была привязана верёвкой к ремню на животе.

— Не кадри глазами, я тебя и с одной рукой хлопну... давай лучше, что там принёс...

— Да ты сколько не ел до этого?

— А что тебе, жалко? Жратву уже недели две не видел, но ягоды, грибы всякие ем...

Он натянуто усмехнулся и неожиданно перешёл на глухой, надрывный кашель, гыркая в дом, так как рот прикрыть было нечем.

Дед бросил ему полотенце:

— Прикрой рот, я не кинусь, не бойся.

Тот схватил рушник и долго, до слёз, кашлял в него, наклоняясь вперёд, трясая головой. Прокашлявшись, вдруг глухо застонал и, подтянув колени к груди и вытаращив глаза, прошипел:

— Отравил?

— Дурак, это ты от жадности наглотался всего, сейчас заворот кишок может случиться, и сдохнешь...

— Это как? — солдат опять застонав и отложив ружьё, прижал руку к животу.

— А так! Желудок без пищи усох, еле работает. А ты набил его сейчас, чем попало, и водки добавил, и солонину, вон, сглотал, и сало, и хлеб чёрствый...

Парень попытался встать, но не смог разогнуться.

— И чё, дед? Всё? — он смотрел воспалёнными, слезящимися глазами, правой рукой схватясь за столешницу, и, не в силах совладать с болью, инстинктивно тянул её на себя.

Дед уже понял, что это тот самый солдат, который лишил жизни его жену, а его самого — спокойной, тихой старости. И ему ничего не стоило сейчас взять ружьё и выстрелить в него! Выстрелить куда-нибудь в область паха, чтобы этот злодей испытал, что такое настоящая боль и, испытав её нестерпимость, ползал бы, прося лишь об одной милости — добить его скорее из второго ствола в грудь или даже в лицо...

Старый егерь смотрел на извивающееся тело и почему-то испытывал жалость. Этот молодой человек нырнул в тайгу, наверняка насмотревшись фильмов о всяких суперменах, приключения которых завершаются, конечно же, победой над обстоятельствами и природой. Но в реалии всё не так, совсем не так... И тайга его, скорее всего, погубила! На худой шее, сквозь щетину, дед увидел язвы от укусов клещей. Такие остаются, когда клещ напился крови и отпал, пузатый и огромный, как виноградина. Видимо, в последнее время парень не следил за собой совсем, инстинктивно, как сдыхающий зверь, понимая, что подходит конец. Заблудившись, он бросался от дерева к дереву в таёжных сумерках, надеясь увидеть за очередным спасение. Иногда он находил следы чьёго-то присутствия и, обрадованный, орал до онемения, безумно радуясь возрождённой надежде, а потом выл, катаясь по земле, узнав свои следы. Ещё два-три дня, и он, наверняка, встал бы утром, но лишь для того, чтобы засунуть голову в развилку веток, закончив тем самым своё бессмысленное движение...

И, конечно, то, что он попал на одну из дедовых тропинок и дошёл по ней до пасеки — скорее, чудо или настоящая удача, которая бывает у каждого раз в жизни...

Дед открыл шкаф, взял пищевую соду и, зачерпнув литровую кружку воды, подошёл к согнутому колесом солдату, отпихнув от него стол.

— Пойдём на улицу, а то всё мне здесь поизгадишь: был бы ты человек, а то — так...

Нежданный гость, не в силах распрямиться, зажимая правой рукой живот, вышел вперёд деда на крыльцо.

— Стой. Сейчас я дам тебе соды, ты её сглотишь и запьёшь водой. Выпей весь литр. Потом перегибайся через перила и — два пальца в рот.

Парень с закрытыми глазами, из которых по лохматым щекам сочились слёзы, с готовностью открыл рот. На деда пахнуло звериным смрадом, он, сморщившись, засунул между голубыми зубами, какие бывают у долго голодавших, полную столовую ложку соды. Солдат захлопнул рот, зажав ложку так сильно, что с трудом удалось её вырвать.

— Пей! — отчеканил дед

Как приговорённый, не открывая глаз, парень присосался к кружке и долго, задыхаясь, тянул воду.

— Всё! Возможно, пронесёт...

Зайдя в дом, дед поднял брошенное у кровати ружьё, подвинул стол на место, открыл окно. В доме, в его доме долго находится нежеланный человек, даже больше — ненавистный, и дом потерял, пусть на время, но потерял бесценный для деда уют. Вроде, всё так же, а что-то не так... И комнатка, и небольшая кухня затаились, замерли, ожидая от деда необходимых слов и действий. Он, чувствуя это ожидание, остановился посреди избы и, найдя глазами икону в правом углу, для себя и для дома произнёс: «А и ладно. Всё сдуется ветром, смоемся водой! Все пройдёт, прости, Господи!» — и широко перекрестился.

* * *

А на крыльце рвало убийцу его жены. Из его горла лилась ручьём вырванная содой из желудка масса, которую он обманывал желудок в лесу вперемешку с кусками хлеба, нежёваного сала, прошлогодней подкисшей солонины, найденными у деда. Старик вышел на крыльцо, и от вида этой парящей кучи, распространяющей сладко-кислую вонь, его самого затошнило. Пёс наблюдал за происходящим из дальнего конца ограды и, не переставая, лаял, вздыбив по-взрослому шерсть на загривке...

Парень, наконец, успокоился, оторвался от перил, сделал три нетвёрдых шага по ступенькам, но, не устояв, упал лицом вниз и притих. Дед, молча, подошёл к нему.

— Меня Стас звать, Станислав, — произнёс парень в конотоп, застилающий ограду.

— Знаю, как тебя звать, но это твоё ненастоящее имя, настоящим тебя ещё назовут... потом... — старый Иван отвернулся, сдерживая вдруг засочившиеся слёзы.

— Всё равно... всё равно спасибо, отец...

— Тьфу! — дед с отвращением сплюнул, собираясь вернуться в дом...

Стас, застонав, схватился за привязанную руку.

— Больно мне, очень больно. Лучше задави меня.

— Была нужда мараться. — Дед, охолонув, нагнулся над ним. — Покажи, что там.

— Нет, я сам боюсь смотреть.

— Покажи, я немного понимаю, — старик отвязал от ремня замотанную тряпками руку, но, когда снял тряпки, присвистнул, увидя вместо руки толстое чёрное полено с жёлто-коричневыми ногтями. Вмиг вспотев, он рванул уже надорванный рукав и оголил руку до плеча. Она вся была такого же цвета, а ниже локтя — почти отгнившие куски плоти. Стас лежал, отвернув лицо, и плакал, кусая губы. Не останавливаясь, дед сорвал гимнастерку. Наконец, он открыл почти всю грудь и только теперь тихо произнёс:

— Конец...

— Что, что? — Стас смотрел на него и плакал, уже не стесняясь, по-детски кривя рот и закрывая глаза.

— Это ты как же так, а? Это же конкретное заражение, тебе нужно было сразу после травмы в больницу.

Парня словно прорвало, и он, заглядывая в глаза деду, сбиваясь, болезненно морщась, торопливо заобъяснял:

— Да? А как? Меня собака укусила сильно, а я убежал... Нельзя было, чтобы поймали... Потом в болоте целые сутки сидел, меня какие-то черви чуть не съели... Сотни!... А эти стоят на берегу, костры жгут. Когда терпеть уже не смог, по болоту полз от рассвета до заката... На какой-то островок вылез, замёрз так, что меня судороги в колесо скрутили, думал — всё... но нет. Хорошо, май тёплый, утром отпустило. А рука уже гноится. Я тряпку мочой смочил, всё обтёр, а куски болтаются, может, ножом бы и обрезал, а зубами откусить не могу — от боли сердце останавливается. Так и замотал, а куда идти — не знаю. Счёт дням потерял, ночью мёрзну и вою, днём куда-то иду и поесть пытаюсь. Через неделю размотал: рука уже, как колбаса прокисшая, страшная... А у меня даже мочи нет рану обмыть. Разорвал я майку — подарок кореша,

замотал руку плотно и привязал к ремню, чтобы не болталась, и уже вот дней пятнадцать на неё не смотрю. А ещё ведь гнус, комары и клещи. Эти гроздьями с меня сыпались, я потом внимание перестал обращать: нащупаю на шее — долой, с живота — долой, на голове шишка вырастет — долой. И — ни страха, ни осторожности. Только хочу, чтобы кто встретился, но бесполезно — никого. Стал думать, как руки на себя наложить попроще, чтобы наверняка. И тут вдруг вчера на тропинку попал, выбрал наугад и часа через два пришёл... Он замолчал. Молчал и дед.

— А что у меня там? — Стас стёр испарину со лба.

— У тебя там гангрена, которая съела уже полтела — всю левую сторону, и уже вся грудь распухла.

Стас опять заплакал. Заплакал и дед, стоящий на коленях над молодым погибающим телом... Потом вдруг предложил:

— Знаешь, давай я баню подтоплю и обмою тебя всего, нет, вернее, помою, побрею и постригу. Только не слишком модно, но всё равно, чем так.

— Давай. Знаешь, давай. А там посмотрим, да? — и он улыбнулся, заглядывая деду в глаза.

— Добро, — согласился, старый егерь.

* * *

В хозяйстве у него всё было по местам, поэтому уже через десять минут баня топилась. На вытопанный перед баней участок земли он принёс из хаты стул, вытащил из шкафа свою старую ручную машинку для стрижки и опасную, тоже очень старую, бритву в деревянном футлярчике. Стас наблюдал издалека, сидя на траве, раскинув ноги и положив между ними тёмную, как бревно, руку.

— Что сидишь? Давай, до трусов раздевайся, — дед не мог без сострадания смотреть на пригревшегося на солнышке парня, ещё вчера бывшего незнакомым, даже врагом, а сегодня вдруг — нуждающимся в его помощи...

— У меня нет трусов, я их изорвал на тряпочки, когда пытался рану протереть...

— Ты бы лучше листьями, какими прилаживал — всё бы чище было...

— Да я же трав не знаю, может, вредные...

— Вредных трав не бывает, для тебя всякие бы пошли. Их просто почувствовать надо и тогда сам спокойно найдёшь...

Стас снял ботинки, содрал с ног кое-где уже сгнившие остатки носков, поднялся и, не смущаясь деда, стянул штаны. Старого Ивана, увидевшего его тело, передёрнуло. Оно всё было сплошной рвано-изъеденной раной. Было

видно, что парень не чувствовал уже ни боли от укусов, ни неудобств.

— Когда сильно чесалось, я палку отламывал, ремень расстегал и, не снимая штанов, этой палкой чесался до крови. Очень неудобно, но постоянно руку отвязывать не мог, поэтому так приловчился. В туалет когда ходил, тоже не помню, нечем было... — Он неуверенно подошёл к стулу.

— погоди, давай и остатки одежды твоей сдерём. Я потом всё сожгу...

Стас снял державшуюся на нижних пуговицах солдатскую куртку.

Чувство острой жалости, какой-то безысходной, даже пугающей, охватило деда. За свою долгую жизнь в тайге он видел многое, но такое — действительно, впервые. Идущая от плеча на грудь тёмная полоса контрастно отделяла больное от здорового, но и «здоровое» уже покрылось синюшно-розовыми пятнами... Мухи сразу закружили над грязным, пахнущим нездоровьем, телом.

— Я давно не мылся, вернее, совсем не мылся. С того времени, когда терпеть боль в руке уже не мог. Не мог и одежду снять...

На нём кое-где висели ещё не напившиеся клещи, и дед аккуратно посрывает их в пустую консервную банку. Стас с безразличным выражением лица продолжал:

— Клещей меня, наверно, штук двести укусило. Но мне в карантине прививку ставили от энцефалита, может, и ничего. Как думаешь?

— Конечно, ничего, тут и думать не надо... — дед с сожалением качал головой, — давай садись, я тебе сначала ножницами голову подстригу, потом — щетину, а побрею после бани.

Стас, болезненно сморщась, сел и, уложив мёртвую руку между коленями, замер. Дед, задыхаясь от запаха, ловко подстриг его, обходя язвы на голове.

— Знаешь, давай я тёплой воды вынесу, мы тебя прямо здесь обмоем, а потом уже в баню. А то вонь ужасная, задохнёмся, если сразу...

Он, поливая из кружки тёплой водой, намочил ему голову, потом сладким «городским» шампунем намыл и смыл. Потом ещё раз, но не смывал, а мочалкой растянул по телу, немного шоркая, и опять смыл. «А может, не надо его парить? Вдруг организм расслабится — и всё? Не дай, Бог...» И он высказал опасения Стасу. Тот, успокоенный теплом, встрепенулся и слёзно запросил:

— Нет, пожалуйста, попарь меня, прошу. Мне в тайге ничего не снилось, только мать, не знакомая, но моя и баня... Пожалуйста!

Дед махнул рукой и помог ему идти...

Парень явно ослаб. Ещё утром он хотя бы говорил громко, сейчас даже этого не мог. Организм, державшийся из последних сил, просто сдался. Напряжение, копившееся, как в шаровой молнии, иссякло.

Он, вытянувшись, лежал на невысоком широком полке, а дед парил его, парил осторожно, с болью глядя на изуродованное молодое тело живого, но, по сути, уже мёртвого человека. Потом и побрил его, впавшего в забытье.

Стас в бреду что-то бормотал, а то, вдруг очнувшись, осознанно глядя ему в глаза, просил вылечить руку...

— Или отрежь, давай а, я потерплю. Сил-то нету — словно огнём всё жжёт. Ты мне дай браги или медовухи и режь, пока сплю... — он, действительно, начинал ровно сопеть. А из закрытых глаз текли слёзы от боли, которая теперь не отступала ни на секунду...

Минут через сорок он пришёл в себя и с помощью деда, в предбаннике, надел одежду охотника, приехавшего сюда ещё зимой и забывшего её в бане.

— Мне и своего бы не жалко, тока я вдвое тебя меньше, — лопотал дед, натягивая на парня цветной спортивный костюм.

Стас устало откинулся на стену и, долго глядя на старого Ивана, признался:

— У меня не было отца, только отчим, который меня ненавидел, а мать его боготворила. И отдала меня, салагу, к бабке с дедом в деревню. Так я деда любил, как отца, но когда в армию ушёл, он через неделю умер. Упал с крыльца и шею сломал. За одну секунду умер. Но меня на похороны не пустили, вот я и убежал, думал, это просто — раз и всё. Только заблудился вот и уже не верил, что выживу...

«А почему он про бабушку мою не вспоминает? — думал, глядя на Стаса, дед. — Или это не он? Ведь может же такое быть! Сколько их бегаёт! Спросить?» — он с сомнением посмотрел на закрывшего глаза парня: «Ладно, потом,» — а вслух предложил:

— Знаешь, давай я тебе, правда, медовухи налью, и ты прямо здесь поспи до утра. А на рассвете я тебя на мотороллере увезу в деревню, а там — «скорая» или больница.

Стас лихорадочно блеснул глазами и радостно согласился.

— Только побудешь со мной, пока усну, ладно?

— Ладно, ладно, — дед пошёл в погреб.

* * *

Он обернулся быстро. Парень сидел, свесив ноги с полатей, сколоченных для отдыха в предбаннике.

— Желудок-то у тебя пустой, тебе сейчас ни есть много не надо, ни пить. Вот принёс кружечку меда, настоящего: отолью тебе в стакан, и вот морошка — ягода волшебная, силы тебе даст, не сомневайся. Стас, улыбаясь опухшим, но свежим, без щетины, лицом, взял правой рукой стакан с медовухой и с трудом поднёс к губам. Долго тянул сладкую прохладную жидкость, не моргая глядя на деда и, допив, задохнувшись, хукнул. Дед ложкой поднёс ему морошку, и он, открыв рот, как дитя, втянув её, стал жевать.

— Вкусно! И тепло как, дедушка...

Старик сам приложился к кружке и помог Стасу улечься.

Успокоенный медовухой, тот быстро уснул, а старый побежал с фонариком во двор сжечь смрадную одежду и накормить Верного. Потом, вернувшись и включив фонарик на слабый свет, посмотрел на спящего.

«Что такое? Еще сутки назад он был уверен, что если в жизни встретит виновника смерти бабки, то... то что? — дед закрыл дверь и сел на полоч. — Кто он? Убийца, терпящий страшную кару за грех, или мученик, невиновный в смерти, и от этого ещё больше страдающий, или просто заблудший, выросший в безверии, виновный без вины?..» — Дед заплакал, скрипя зубами и сжимая кулаки: «Да какая разница? Рождён-то он был с незамаванной душой. А вырос так, как выпестовали мы... Может, Бог и привёл его ко мне, чтобы спасти если не тело его, так душу...»

Уставший старик прислонил голову к тёплой стене и задремал.

... Дед проснулся, как только первые утренние птички защebetали побудку. Включив фонарь, осветил на Стаса. Тот спал на спине, лицо его обострилось и показалось деду маской. Тихонько открыв ворота, дед выкатил мотороллер. Положил в кузов с вечера подкошенной травы и сверху — старую свою овчинную шубу облезлой шерстью вверх.

Повозка готова.

Зайдя в предбанник, включил фонарь на полный свет и направил его в потолок.

— Стас, проснись, ехать надо, время не ждёт: пока доедем да пока

«скорая» придёт...

Стас открыл глаза и, помолчав, спросил:

— Меня вылечат? Как ты думаешь, честно?..

Дед торопливо заговорил, глотая подступающие слёзы:

— Конечно, родной, конечно. Врачи сейчас, ох, как умны, они тебе и руку даже поправят — не сомневайся.

Стас помолчал.

— Врёшь, конечно, но как здорово, что ты есть со своей не понятной добротой, и... — он с надрывом, но слабо закашлялся, зажимая рукой рот, — и поехали скорей, чувствую совсем плохо...

Он поднялся сам, не позволяя деду задевать левую сторону с висящей рукой.

Укладывая парня, старик предложил:

— Выпей ещё маленько — всё боль отступит.

Стас согласился и долго цедил из стакана через плотно сжатые губы. Потом улегся поперёк кузова, чуть подогнув ноги, и, торопясь, они тронулись. Кроме деда здесь никто не ездил, дорога была ровная, гладко накатанная, позволяющая ехать довольно быстро. Проехав глухую тайгу, дед остановился проверить больного. В междулесье быстро вставало солнце и ярко грело, наполняя воздух радостным теплом.

— Отец, ты крещёный?

Дед вздрогнул и отдернул руку, поправляющую шубу:

— Да, а что, думаешь, зря?

— Вот нет, думаю, наоборот, хорошо. Покрести меня, пожалуйста, чувствую, что не доеду я, покрести. Страшно мне без всего через ту черту переступить, страшно и безысходно совсем...

На деда смотрел взрослый, скорее даже пожилой человек, смотрел осознанно и неотступно...

— Тебе отец, можно, я где-то слышал, что крещёным можно посвящать, — он тянул руку, а она падала...

Дед, видя, как туман застилает глаза парня, подошёл и, как помнил издавна, стал тихо читать молитву, капая слезами ему на лицо, осеняя себя и его крестным знамением: сверху вниз — справа налево, сверху вниз — справа налево!

Приподняв голову парня, старик, как положено, надел ему крестик, снятый со своей шеи... А новокрещённый, слабо сжимая руку деда своей холодеющей, шептал:

— Спасибо, отец... теперь не так будет пусто... за чертой... с верой...

02.02.2013